

©2017 г.

Вячеслав Плещенко

кандидат экономических наук,
начальник управления АО «Гознак», Россия
(e-mail: v_pl@mail.ru)

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И О ПЕРСПЕКТИВЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СТРУКТУР КООРДИНАЦИОННОГО ТИПА

Для институциональной среды современной России характерны сосуществование норм и правил нескольких социально-экономических формаций, в разные периоды господствовавших в нашей стране, а также сильное влияние неформальных практик хозяйственной деятельности. Порочность этой институциональной среды очевидна. Ее преодолению может способствовать формирование новых институтов координационного типа – горизонтальных сообществ, объединяющих как индивидов, так и хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: институциональное развитие, институциональная среда, неформальные практики, клубные сообщества, репутация, институционализация.

Формирование и дальнейшая эволюция институциональной среды современного российского общества протекают под влиянием сложного и противоречивого комплекса процессов, включающих переход от социализма к капитализму с заменой государственной собственности частной, переход к новому технологическому укладу, глобализацию экономики, информационную революцию и другие явления, присущие становлению т.н. «новой экономики». Специфика этого этапа является предметом все более пристального внимания представителей различных общественных наук.

В частности, отмечается, что в стране сосуществуют нормы и правила различных социально-экономических формаций и форм социальной организации экономики (российской традиционной, планово-административной и рыночной) и не преодолен раскол между институтами микро- и макроуровней (в частности, патернализм русского человека уживается с его отчуждением от государства, восприятием власти как внешней, враждебной силы) [1. С. 28–29]. Обусловленные этим противоречия во многом затушевывались (но не исчезали) под влиянием как жесткого государственного контроля над обществом, не способного впрочем гармонизировать общественное развитие, так и длительно существовавшей приверженности социалистической общественной системе, восприятия ее как безальтернативной. В то же время влияние социалистических догм постепенно снижалось вследствие того, что они вступали в противоречие с реалиями общественной жизни, с трудностями повседневного быта

большинства населения. Ощущение сопричастности к знаковым событиям в истории государства переставало быть фактором, цементирующим общество, стимулирующим единение индивидов, позитивный информационный фон не мог отвлечь внимание от негативных реалий повседневной жизни. Сегодня большинство населения если и гордится достижениями своей страны, но не становится деятельными участниками общественного прогресса [см. подробнее 2. С. 40]. В результате заинтересованность индивидов в повышении качества жизни, улучшении среды обитания, создании более совершенных общественных институтов не выходит за пределы личного пространства, не выражается в конкретных действиях либо носит спорадический характер.

Многие специалисты справедливо полагают, что такая ситуация в России вызвана тем, что социальная среда мало изменилась со времен социализма. Сохраняется такая принципиальная черта общества советского типа как сокращение социальных связей, их обрыв, изоляция человека, атомизация общества [3]. Советский человек пытался всячески скрыть свою частную жизнь от внимания окружающих, в его сознании формальная приверженность общественному строю сочеталась со стремлением уклониться от соблюдения государственных постулатов. Отсутствие институционального единства и общение в рамках замкнутых групп предопределили преимущественно неформальный характер регулирования отношений в сегодняшней России [1. С. 29].

Распространению неформальных практик в отношениях (как между индивидами, так и между хозяйствующими субъектами) немало поспособствовал и дефицитный характер экономики в СССР. Одной из причин этого было то, что советские предприятия были оторваны от реальных потребностей экономики, а этому, как ни странно, способствовала ее плановая организация. Производители отвечали только за выполнение государственного заказа, но не за удовлетворение реальных потребностей. У. Николаева квалифицирует неформальную организацию товародвижения как возврат к архаичным церемониальным практикам (дарообмен, услугуобмен, услугуоплатеж), а способствующие этому процессу полузакрытые образования как «сеть услугуобменных связей», позволявшую должностным лицам скрыто, неявно под видом делового сотрудничества реализовывать свои интересы в ущерб интересам общества [5. С. 51]. В то же время нельзя не сказать, что тогдашние неформальные связи помогали населению в той или иной мере решать задачи обеспечения своего существования, в которых эти задачи было не способно решать государство. В хозяйственной сфере централизованное снабжение и распределение не могли своевременно и в полной мере обеспечить потребности экономических субъектов в материально-технических ресурсах, а задачу выполнения (перевыполнения) плана производства никто не отменял. Это обусловило развитие неформальных связей между предприятиями, существование

в штате предприятий «снабженцев» и «толкачей» — специализированных сотрудников, занятых преимущественно розыском свободных ресурсов, организацией их поступления, продвижением исполнения заказов на других заводах в интересах своего предприятия. Тем самым в известной мере компенсировались недостатки существовавшей в СССР логистической системы, когда материальные потоки проходили полный путь согласований по всей иерархической пирамиде плановых и снабженческих органов (сначала вверх, а затем и вниз) под влиянием волюнтаристских бюрократических представлений об экономике [6. С. 66]. По сути дела народнохозяйственный комплекс СССР представлял собой огромный административный рынок, на котором товарно-денежные отношения и экономические мотивы производственной деятельности были заменены перманентным торгом между участниками распределительной системы с применением специфичной «административной валюты», в виде документов (писем, распоряжений), исходящих от различных организаций [6. С. 9–12]. «Обменный курс» такой административной валюты определялся иерархическим уровнем органа, ее выдававшего.

Распределение и соответственно потребление носило статусно-иерархический характер [7. С. 27]. Экономику советского типа зачастую характеризуют как такую, в рамках которой распределение благ осуществляется по социальному статусу, по месту в социальной иерархии и зачастую отношения собственности утрачивают свое влияние [8. С. 85]. Сам институт собственности не имеет фундаментального значения для экономических отношений. Особенности социалистической экономики привели к тому, что к середине 50-х годов XX века в СССР почти не осталось даже мелкой частной собственности, так как «наверху» считалось, что мелкое производство рождает капитализм, буржуазию [4. С. 152].

Относительная успешность современной западной цивилизации во многом предопределена тем, что в Европе и Северной Америке в результате многовековой борьбы граждан были созданы работающие институты (суды, политические партии, профсоюзы и т.д.), стали действовать гарантии прав и свобод, при этом уважалась частная собственность, а действия власть имущих были, как правило, предсказуемыми.

Многое сегодня свидетельствует о том, что общественно необходимые институты в России не действуют должным образом, не приживаются (более того, иногда утверждают, что в стране происходит деинституционализация общества и экономики). Формальные правила, вызывающие значительные издержки легальности, зачастую абсорбируются неформальными институтами (сложившиеся обычаи, неформальные практики) по оппортунистическому сценарию, в рамках которого правило блокируется, либо индивид (хозяйствующий субъект) сам определяет, когда ему соблюдать норму, а когда нет [10. С. 288–289]. Большинство институтов в России работает плохо и потому, что граждане им исходно не доверяют

(при этом ничего не делая для того, чтобы эти институты стали иными) [3]. Фактически граждане не связывают с формальными институтами надежд на возможность решения проблем, в то же время (как ни парадоксально это звучит) считают, что государство должно о них заботиться и все возникающие вопросы решать справедливо. Распространенная на Западе самоорганизация в нашей стране сдерживается не только противодействием государства, но и низким уровнем гражданского сознания, слабой заинтересованностью в достижении общего результата.

В сложившейся ситуации даже оправданные нормы и правила, «спущенные» сверху, не способны преодолеть институциональный кризис. Для этого необходимо еще и мощное встречное движение, идущее снизу. По мнению автора, определенные надежды и перспективы в этом плане могут быть связаны с идущим сегодня процессом формирования различного рода сообществ, в том числе неформализованных. Важным свойством таких образований в условиях информационной революции и «новой экономики» является то, что информация о потенциале участников, их преимущественном поведении, совершенных ими действиях доступна для всех членов сообщества либо даже для всех пользователей сети (возможны и промежуточные варианты частичной доступности информации, к примеру, для отдельных подгрупп). Эта информация и сопутствующие ей договоренности служат согласованию интересов и действий. Тем самым может быть выстроена общая траектория поведения. Складывается ситуация, при которой можно спрогнозировать дальнейшее развитие событий.

В таких условиях усиливается роль репутации как стратегического фактора, регулирующего образ жизни и действий субъекта. Как известно, с экономической точки зрения репутация является аналогом предсказуемости поведения [11. С. 37–38]. Кроме того, она выступает еще и в качестве определенного залога, свидетельствующего о том, что субъект намерен и далее держаться в рамках производимого впечатления [11. С. 63]. Следовательно, институционализация взаимодействия в рамках сообществ (сети) является действенной мерой, способствующей успешной деятельности их участников.

Однако сети – прежде всего связи, а институты – правила и стандарты отношений. Важно, что современные клубы предполагают синтез сетей и институтов, представляя интересы взаимосвязанных субъектов, добровольно соблюдающих определенные правила взаимодействия. Помощь со стороны государства развитию таких сообществ могла бы способствовать преодолению институционального кризиса в России. С точки зрения развития институциональной среды, установления правил поведения предпочтительнее взаимодействие с агрегированными сообществами, нежели с разрозненными одиночками.

Для хозяйствующих субъектов подобная институционализация выражается в появлении различных некоммерческих организаций, фондов и партнерств, ассоциаций поставщиков и потребителей, выполняющих представительские и координационные функции. Для индивидов подобную функцию выполняют клубы по интересам, сообщества коллективного потребления, а также агрегаторы предложений, такие как Uber (пассажирские автоперевозки), Airbnb (краткосрочная аренда жилых помещений). Данные формы взаимодействия, как правило, активно используют коммуникационный потенциал сети Интернет, в связи с чем такие сообщества еще именуют виртуальными потребительскими кооперативами [12. С. 81]. Хотя между всеми ними есть весьма существенные различия, их объединяет тот факт, что они выступают горизонтальными структурами с низкой ролью иерархии, стремящимися к самоорганизации с целью получения синергетического эффекта. Также важно отметить, что подобные координационные структуры, развиваясь и эволюционируя, неизбежно приходят к упорядочению взаимоотношений, переходу от неформальных и теневых практик к легальным транзакциям.

Литература

1. *Ивлева Г. Ю.* Социально-экономические альтернативы России и концепция восстанавливающего развития // Вестник ОГУ. 2002. № 4. С. 24–29.
2. *Магун В. С., Магун А. В.* Связь со страной и гордость за ее достижения (российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 32–44.
3. *Дубин Б.* Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 24–35.
4. *Пичурин И. И.* Причины кризиса социалистической экономики СССР в 1989–1991 годах // Экономика региона. 2012. № 1. С. 150–160.
5. *Николаева У. Г.* Архаика и неоархаика как объект изучения и предмет преподавания в общественных дисциплинах в вузах // Высшее образование сегодня. 2013. № 1. С. 49–54.
6. *Кордонский С. Г.* Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. М.: ОГИ, 2006.
7. *Гудков Л., Дубин Б.* «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 24–39.
8. *Ивлева Г. Ю.* Социально-ориентированная рыночная экономика – цель развития России // Вестник ОГУ. 2000. № 2. С. 80–85.
9. *Клейнер Г. Б.* Реиндустриализация, ресайтизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4. С. 34–39.
10. *Панеях Э. Л.* Четыре сценария абсорбции формального правила социальным институтом // Вестник ТОГУ. 2014. № 3. С. 287–290.
11. *Долгин А. Б.* Как нам стать договоропригодными, или Практическое руководство по коллективным действиям / М.: ОГИ, 2013.
12. *Котляров И. Д.* Феномен виртуальных потребительских кооперативов // Общество и экономика. 2016. № 12. С. 75–82.